

Алексей Колесников

ЗЕМЛЯ МАЙСКИХ ЖУКОВ

Страшная сказка

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2019

I

— Пап, расскажи страшную сказку!

— Ну хорошо, слушай. Жила-была на свете одна девочка.

И вот однажды, в день рожденья, ей подарили необычную куклу. Девочка хотела...

— Папа, не смей меня. Эта твоя сказка — отстой! Я ее давно знаю, да и она совсем не страшная...

— Тогда я расскажу тебе про Проклятый Дом! В одном маленьком городке, на самой окраине, стоял заброшенный, обветшалый дом. Люди сторонились этого места, говорили, что...

— Папа! Я ведь уже не маленький! Расскажи что-нибудь другое.

— Хорошо. Я тебе расскажу... Я тебе расскажу про графа Дракулу!

— Твой граф Дракула тоже уже надоел!

— А ты-то откуда про него знаешь?!

— Оттуда же, откуда и ты, — телевизор смотрю.

— Ну что ж... В таком случае я расскажу тебе историю, которую я слышал когда-то от своего дедушки. Эта история произошла с ним еще в детстве. Тогда телевизоров точно не было!

— А интернет был?

— И интернета не было. В городке, где жил мой дед еще мальчишкой, не было даже кинотеатра. Тогда, кстати, и электричество было не везде...

— У-у-жас! Вот это действительно страшная сказка! Как же они жили, бедные?!

— Представь себе, неплохо жили. По крайней мере, дедушка до конца своих дней считал эти годы самыми счастливыми в своей жизни. Воспитывали его мама и два ее брата, дедушкины дяди. А отец деда, мой прадед, не вернулся с войны. Их домик стоял недалеко от океана. Тогда еще не было огромных

заводов на побережье — и дедушка вместе с другими мальчишками целыми днями валялся на песке, смотрел в облака и нырял за осьминогами...

Папа помолчал, но, видя, что сын не прерывает его и внимательно слушает, продолжил свой рассказ:

— Ели они рыбу, устриц и тех же осьминогов — всего было в изобилии. С северной стороны городок охватывал густой лес, который тянулся до самой Горы. В лесу водились дрофы и перепелки, бывало даже, что из лесной чащи среди бела дня на городские улочки иногда забегали лисы и дикие козы.

А на Горе, среди сосен и акаций, прятался большой запущенный Дом. Кстати, один из немногих в округе, где уже было электричество.

Но люди десятой дорогой обходили Дом на Горе — никто не хотел встречи с его хозяином: о нем шла дурная слава. Потом Дом опустел и — вот удивительно! — сразу превратился в излюбленное место прогулок и пикников. Даже через много лет, когда от него остались одни развалины, местные дети все еще любили там играть — воображали себя кладоискателями или просто прятались от родителей, прогуливая школу.

Сейчас этих развалин давно нет. Нет ни самой Горы, ни леса. Там выстроили несколько жилых районов и Парк Развлечений.

Однако в те времена, о которых я рассказываю, развлечений-то как раз и не доставало. Как же оживал и расцветал городок, когда его умиротворенную тишину нарушал приезд какого-нибудь передвижного зоопарка! Тогда все, и взрослые и дети, с горящими от радости глазами ходили смотреть на желтозубых обезьян в грязных помятых костюмчиках и потом, спустя месяцы, все еще продолжали вспоминать и обсуждать увиденное...

Поэтому ты можешь себе представить, что произошло, когда однажды, прозрачным весенним утром, в городок приехал **САМЫЙ НАСТОЯЩИЙ БРОДЯЧИЙ ЦИРК!**

Мальчишки выбежали на центральную площадь, чтобы посмотреть на разноцветные пыльные вагончики, обклеенные яркими плакатами. А там уже всюду стучали топоры, в воздухе разносился острый запах свежераспиленных сосновых досок, — плотники возводили помост. К вечеру следующего дня на площади раскинулся ярко-красный шатер — шапито, а еще через сутки город потрясло первое представление.

Бродячий цирк гордо назывался Театром. Дедушка не помнил, какое еще слово было в названии, то ли ZinZanni, то ли Zarazanni... Но он очень хорошо запомнил, что первое представление прошло с аншлагом.

На следующий вечер желающих посетить Театр оказалось еще больше. А еще через два дня произошел казус: опоры балкона второго яруса не выдержали набившихся туда зрителей и во время представления подломились. В результате этой маленькой катастрофы один из зрителей сломал себе ногу, другой — руку, а третий вывихнул плечо. Но дедушка говорил, что ни один из этих троих не захотел уйти, все пострадавшие досмотрели представление до конца.

После этого случая хозяин Театра, желчный худой человек, распорядился впредь указывать на каждом проданном билете номер конкретного места: так он пытался не допустить переполнения балконов и повторения печальной истории.

ЧЕМ ЖЕ ЭТОТ ТЕАТР ПРИВЛЕКАЛ БЛАГОДАРНЫХ ЗРИТЕЛЕЙ?

Во-первых, там был слоненок. Настоящий живой слоненок.

Во-вторых, там были карлик и лилипут. А еще — фокусник в золотом китайском кафтане, который запирает полную красивую женщину в стеклянном шкафу, наполнял шкаф водой,

потом накидывал на него узорчатый шелковый платок, а когда сбрасывал платок — в шкафу уже не было ни воды, ни женщины.

В Театре были гимнасты и акробаты. Была женщина-змея. И во втором отделении там показывали кино!

С той поры прошло уже много лет, теперь уже почти невозможно представить себе, чем было кино для тех людей! Тогда его называли «электрическим сном наяву». Восторг, с которым зрители пожирали широко открытыми глазами мигающие беззвучные кадры, был настолько велик, что в груди перехватывало дыхание. Некоторые жители городка с приездом Театра увидели этот чудесный аттракцион впервые. Дедушка был среди них.

Поскольку репертуар фильмов был небольшой, мой дед часто смотрел один и тот же фильм по нескольку раз. «Гамлета» видел четыре раза, а «Кабинет доктора Калигари» — пять. Он ходил в кино каждый вечер. Ты спросишь, как ему это удавалось? Ведь билеты — хоть и недорогие, но все же не бесплатные, а давать пятак каждый вечер мама не могла...

Вот тут-то мы подходим к самому главному в этой истории.

Кроме сказочного мира кинематографа, кроме фокусника в золотом кафтане, кроме карлика и лилипута, кроме живого слоненка, в этом Театре было еще кое-что. Точнее, кое-кто... Там была Сола.

II

Дедушка прожил вместе с бабушкой больше сорока лет и очень ее любил. Но, по-моему, он так и не смог забыть девочку, которую встретил в детстве.

Сола — было ее ненастоящее имя. Его придумали в цирке, чтобы оно красиво звучало на афишах. Настоящего имени никто не знал. Когда ей было около двух лет, цирковые подобрали ее на большой дороге, грязную и голодную. Как она очутилась на дороге, кто ее родители, есть ли у нее родственники — выяснить не удалось. И она осталась с теми, кто ее нашел, выросла в цирке, как приبلудившийся котенок.

К тринадцати годам она оказалась настоящей жемчужиной площадной сцены: умела жонглировать спичками, работала в жанре «каучук»* и выполняла несколько старинных и очень сложных трюков, в том числе знаменитую стойку на зубнике**, с тонкой грацией показывала фокусы, некоторые из которых придумывала сама, и мастерски владела искусством пантомимы. В те давние времена не существовало отдельных цирковых специальностей.

Сола была похожа на принцессу из детской книжки — не просто красавица, намного лучше красавицы! Ее кожа сияла

* «К а у ч у к» — в данном контексте это оригинальный, очень древний цирковой жанр, в котором артисты демонстрируют невероятную гибкость собственного тела.

** З у б н и к — приспособление для исполнения циркового номера «стойка на зубнике». Состоит из металлической дуги и металлической пластины толщиной 3 мм, обтянутой кожей, со специальным упором для зубов. Каждый зубник делается под конкретного исполнителя, так как прикус у всех разный. Затем подгоняют наклон зубника, сгибая или разгибая дугу, на которой он укреплен. Артистка, обладающая невероятной гибкостью, взяв зубник в рот, прогибается так, что может положить таз на голову, при этом не держась ни за что руками.

каким-то волшебным опаловым светом, а глаза были светло-голубые, почти прозрачные. Это придавало ее внимательному, умному и немигающему взгляду что-то змеиное.

Вся она казалась настолько ладной — **БУДТО БЫ ВЫРЕ-**
ЗАННОЙ ИСКУСНЫМ МАСТЕРОМ ИЗ КАМНЯ НЕВИДАННОЙ
ЛУННОЙ ПОРОДЫ, — что в ее облике улавливалось нечто не-реальное. Наверно, поэтому в одной из реприз она изображала большую механическую куклу. Эта кукла, после того как ее заводили, двигалась, танцевала и показывала карточные фокусы, но вдруг, не закончив движения, неожиданно замирала в неподвижной позе и стояла так до тех пор, пока кто-то из зрителей не бросал звонкую монету в коробочку, висевшую у нее на груди.

Нечего и говорить, что все мальчишки поголовно были влюблены в Сола. Даже те, кто сам этого не понимал. Даже те, кто еще не знал, что такое быть влюбленным.

Утром, во время репетиций, они просачивались в цирк, чтобы посмотреть на нее, а вечерами осаждали театральную кассу, чтобы видеть Сола на сцене.

Даже когда Сола была занята хозяйством — мыла посуду или чистила рыбу, — ее всегда окружали несколько местных мальчишек, которые наперебой старались ей чем-то помочь.

Общались она с ними просто и легко, как с хорошими друзьями, быть может и вправду не понимая, что она для них значила.

В редкие часы, когда Сола была свободна, все ходили купаться на океан. У нее не было купального костюма, и она плавала в своем обычном платье, скрепив подол между колен простой булавкой.

Однажды, выйдя на берег и отжав волосы, она вдруг оперлась ладонью в песок и, чуть оттолкнувшись ступнями, с неправдоподобной легкостью внезапно вскинула обе ноги над

головой. Так и замерла, нарушая все мыслимые законы гравитации, — совершенно неподвижно, опираясь одной рукой о землю и устремив свои точеные носочки вверх.

Один из мальчиков тогда тихонько прошептал:

— Смотрите! У нее мускулы!

Дедушка говорил, что эта картина на всю жизнь запечатлелась в его памяти:

**СВЕРКАЮЩАЯ НА СОЛНЦЕ,
ПЕРЕВЕРНУТАЯ
ВНИЗ ГОЛОВОЙ
ФИГУРКА
НА ФОНЕ
СИНЕГО НЕБА!**

Я думаю, это осталось одним из самых дорогих для него воспоминаний.

III

Кроме всего прочего Сола выполняла в Театре еще обязанность, связанную с сеансами кинематографа.

Как я уже говорил, электричество тогда было в диковинку. Бобины проектора вращались с помощью изогнутой ручки с блестящим черным набалдашником. Но вот лампочка, яркая электрическая лампочка, встроенная в киноаппарат, должна была гореть обязательно! Иначе весь фантастический мир, оживающий в нежном стрекоте киноленты, оставался бы невидимым.

Проблема была решена очень просто. Возле места киномеханика, отгороженного от зрителей двумя аляповато расписанными ширмами, помещалась прикрепленная к полу обычная велосипедная рама с рулем, педалями, сиденьем и одним велосипедным колесом. Стоило сесть на сиденье и начать крутить педали, как велосипедное колесо, завертевшись, приводило в движение прижатое к нему другое маленькое колесико. Это маленькое колесико преобразовывало движение большого колеса в электрическую энергию, и лампочка в проекторе тут же вспыхивала.

ПОКА КРУТИЛИСЬ ПЕДАЛИ – БЫЛО КИНО.

Так вот именно Сола была тем человеком, благодаря которому колесики крутились и лампочка всегда горела. Именно она, наскоро переодевшись после выступления в первом отделении, каждый вечер занимала место на велосипедном сиденье позади киномеханика. Пока она крутила педали, зрители могли смеяться и плакать, погруженные в чудесную, беззвучно-сомнамбулическую сказку.

Сола, втайне от хозяина Театра, совершенно бесплатно каждый вечер проводила в кино ораву своих местных друзей.

И тогда, конечно, работать ей приходилось намного меньше — слишком много было желающих покрутить педали вместо нее!

Если мальчишки были влюблены в Сола, то Сола была влюблена в кинематограф. Все, что хоть как-то было связано с ним, доставляло ей радость. Она с удовольствием помогала киномеханику — умела заправить в проектор пленку, перетаскивала тяжелые ящики с бобинами и даже могла сама аккуратно склеивать порванную пленку.

Надо было видеть ее лицо, когда она смотрела кино! В полумраке, освещенное мерцающим, неверным светом, оно выражало такое внимание, такое полное растворение в этой оптической иллюзии, вызванной, в общем-то, очень простым механизмом, что казалось, будто бы Сола полностью теряет связь с окружающим реальным миром!

Даже то, что она пересматривала каждый фильм по многу раз, не охлаждало ее восторга.

Иногда ее взгляд становился особенно сосредоточенным и цепким, словно она пыталась разгадать какую-то загадку, увиденную на экране. Если ее спрашивали об этом, она отвечала, что наблюдает за лицами персонажей, следит за движениями их губ и пытается определить, какие слова они произносят в действительности. Титры не всегда точно передают их речь.

Сола говорила, что хочет научиться читать по губам. Она хотела использовать это в каком-нибудь новом трюке, но еще не придумала в каком.

Провинциальные сверстники ее не понимали. Очевидно, она была намного умнее их.

IV

Вечерами, когда заканчивалось представление, Сола и ее друзья забивались в уголок вагончика, где жила Сола, и, глядя на мошкарку, вьющуюся вокруг керосиновой лампы, болтали о всякой всячине.

О чем тогда разговаривали дети? В отличие от взрослых, вечно обсуждающих всякую ерунду о том, что все дорожает и скоро опять может начаться война, дети говорили только об интересном!

Однажды разговор зашел про Дом на Горе. Один мальчик сказал, что по-настоящему этот Дом следовало бы называть Замком, ведь он стоит уже больше тысячи лет. Да и тысячу лет назад его построили не на пустом месте! Там, еще задолго до этого, жили какие-то страшные дикие люди, которые назывались троглодитами. И вот на остатках их жилищ, как на фундаменте, древние римляне когда-то возвели свою крепость, состоящую из огромных, грубо обтесанных валунов. А уже на развалинах этой крепости и был построен нынешний Дом.

Сола захлопала в ладоши и предложила на следующий же день туда сходить.

— Туда ходить нельзя!

— Потому что это далеко?

— НЕТ, ПОТОМУ, ЧТО ТАМ ПОСЕЛИЛСЯ ДЬЯВОЛ!

И мальчишки, переглядываясь, шепотом пересказали ей все те слухи, которые уже давно ходили в городе, насчет Дома и его обитателей.

Они рассказали про заброшенное кладбище недалеко от Замка, где почему-то высохли все деревья и не растет трава. На том кладбище, по их словам, перестали хоронить еще лет пятьдесят назад, так как там, в старых склепах, завелось какое-то чудовище, похожее на огромного безглазого и об-

лезлого волка. Это чудовище по ночам покидало свой склеп, раскапывало могилы и пожирало покойников. Люди захотели его убить, но ни один из смельчаков, отправившихся на охоту, назад не вернулся. И до сих пор, когда смеркается, слышно, как на старом кладбище воет этот монстр.

Мальчишки рассказали и про пропадающих в городе домашних животных, чьи обезображенные полуобгоревшие трупики иногда находят в лесу, возле Горы.

Поведали и про Графа, хозяина Дома, нелюдимого злого человека, даже случайная встреча с которым якобы приносит несчастье. Хорошо еще, что Граф редко покидает свое обиталище, а горожане стараются держаться от Горы подальше, поэтому встретиться с ним им доводится нечасто.

По словам детей, в Замке живет еще и сын Графа — злой и высокомерный мальчик, презирающий остальных людей. Он от рождения болен какой-то омерзительной болезнью, и дети называют его не иначе как Урод с Горы.

Один мальчик рассказал, что года два назад, заблудившись в лесу, он случайно наткнулся в чаще на Урода и Питера, дворецкого из Замка. Урод для развлечения собирал древесных жучков и маленьких лесных лягушек и тут же заживо их сжигал. Причем ни спичек, ни какого-нибудь другого приспособления для добывания огня в его руке не было!

Мальчишки рассказали и совсем уж страшное. Будто бы десять лет назад в Замке случился пожар, и в том пожаре погибла мать Урода — а ему тогда было чуть больше трех лет. Поговаривали, что виной пожара был вовсе не несчастный случай. Это он, Урод, так же, как пойманного кузнечика, заживо сжег свою мать.

Вспомнили еще, что прошлой зимой их приятель отправился в лес поохотиться за трюфелями и захватил с собой свою собаку, большую овчарку по кличке Цезарь. Накануне прошли

сильные дожди, все лесные тропинки были совсем размыты. Нужно бы сразу вернуться домой, но мальчик подумал, что дальше в лесу грязи будет меньше. Но получилось совсем наоборот — чем дальше, тем больше лес напоминал настоящее болото. Мальчик еле-еле шел по узенькой тропке шириной самое большее в два вершка, с трудом удерживая равновесие. Справа и слева от него все тонуло в грязи. Он совсем уже было решил возвращаться, как вдруг нос к носу столкнулся с Уродом — **ТОТ БУДТО ВЫРОС ПЕРЕД НИМ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ.**

Глаза Урода горели как угли, а сам он был замотан, по словам мальчика, «в свои мерзкие бинты точь-в-точь как мертвец в саван».

— Что ты здесь делаешь? — насмешливо спросил Урод.

— Ищу трюфели... — заикаясь, пролепетал мальчик.

Лицо Урода дернулось от презрительной гримасы. Он просто пошел на мальчика, глядя сквозь него, бросив на ходу:

**— ПРОЧЬ С ДОРОГИ,
НАДАЛЬ!**

Через миг мальчик оказался по пояс в болотной жиже. Нет, Урод его не толкнул, вообще никак не прикоснулся к нему — мальчик сам «уступил» ему дорогу.

Но самое странное было то, что происходило в это время с Цезарем! Здоровенная овчарка присела, поджала хвост и жалобно заскулила, как месячный щенок! Все ее тело дрожало, ощущение запредельного смертного ужаса вжимало собаку в грязь, и мальчик давал честное слово, что его пес еле остался жив...

Сола слушала все эти страшные истории с недоверием, но желание погулять возле Дома на Горе у нее прошло.

Так, между разговорами, океаном, цирком и кино, проходили дни. Их никто не считал. Казалось, они не кончатся никогда.

Но в середине лета вдруг произошло нечто, навсегда перевернувшее этот уютный и волнующий мирок, — однажды обнаружилось, что Сола пропала.

Она не пришла на утреннюю репетицию. Вечернее представление прошло без нее. Велосипедные педали во время сеанса кинематографа крутил фокусник в золотом китайском кафтане. На вопросы о том, куда делась Сола, никто из цирковых толком не отвечал: говорили только, что она уехала...

А на другой день хозяин Театра на маленьком сером грузовичке привез откуда-то большой деревянный ящик. В ящике оказался обычный мотор, похожий на автомобильный, и несколько канистр с прозрачным вонючим бензином. С этого дня уже не нужно было крутить велосипедные педали, чтобы в проекторе горела лампочка, — маленькое колесико, преобразующее движение в электричество, вращал бензиновый мотор. Под его чавканье и стук проходили с тех пор все киносеансы.

Больше никто не проводил детей бесплатно в кино. А в начале осени цирк навсегда покинул город.

ВСЕ КОНЧИЛОСЬ...

Или, может быть, все только началось?

V

Когда заканчивается что-то одно, всегда начинается что-то другое. И никто не может знать, что ждет нас там, за поворотом, в таком неопределенном «завтра». Но иногда нашей души касаются смутные предчувствия, вызванные некими еле заметными странностями, неожиданно вторгающимися в повседневность. Как будто сама жизнь пытается предупредить о грядущих переменах, от которых нас отделяют иногда всего несколько часов.

Первую такую странность Сола заметила вечером, во время представления, как раз накануне своего внезапного исчезновения.

Она работала репризу с куклой, когда занавеска, отделяющая маленькое фойе от зала, дернулась и в проходе появился Толстяк.

Партер, как всегда, был полон. Но после того как Толстяк наконец протиснулся к своему месту, люди, сидевшие рядом, вдруг одновременно поднялись и ушли — Толстяк остался сидеть в окружении пустых стульев.

Сола краем глаза успела разглядеть его. Он не был похож на обычных посетителей Театра — рыбаков, крестьян и лавочников. Большой и одутловатый, с темными пятнами пота под мышками, он то и дело обтирал блестящую лысину тонким батистовым платком.

С первой секунды своего появления Толстяк буквально впился в Солу спрятанными в густых складках красных век глазками. Можно было подумать, что он появился в Театре только ради нее.

Закончив номер, Сола убежала за кулисы. Оттуда, глядя через щелочку, она попыталась рассмотреть Толстяка, но, к ее удивлению, в зале того уже не оказалось! Стул, на котором он